

Возрожденная Варшава и древний Краков, индустриальная Силезия и текстильная Лодзь радуются...

Эта декада отмечается по всей стране. В Быдгощи открылась выставка «Советская Украина»...

Большой интерес жителей Познани привлекает созданная государственным университетом имени Адама Мицкевича экспозиция...

НАШИ ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЯЗИ

Посланцы бирманского искусства

Поездка в Советский Союз бирманской культурной делегации, возглавляемой министром просвещения и культуры Бирмы господином У Тун Тином...

В гастрольях бирманских артистов с большой охотой и энтузиазмом соглашались участвовать самые прославленные и известные звезды, широко известные в стране исполнители классических и современных танцев...

В составе делегации 30 человек. В нее входят руководители трех популярных в стране театральных трупп — артисты Свэ Мин Тин Маунг, Кеннет Сеин и Сеин Аунг Мин, 8 музыкантов Бирманского государственного оркестра...

Бирманцы старались объединить в этой делегации трех театральных деятелей — актеров, музыкантов и танцовщиц. Это удалось благодаря тому, что все бирманские артисты считают своим долгом представлять свою страну в Советском Союзе...

Как заметил один из членов делегации, театральные деятели Кеннет Сеин, советский народ увидит полную демонстрацию бирманского искусства раньше народов других стран и даже раньше самих бирманцев...

видеть такое сочетание крупнейших артистических сил страны. Программа предстоящих гастролей разнообразна и увлекательна...

В гастрольях бирманских артистов с большой охотой и энтузиазмом соглашались участвовать самые прославленные и известные звезды, широко известные в стране исполнители классических и современных танцев...

В составе делегации 30 человек. В нее входят руководители трех популярных в стране театральных трупп — артисты Свэ Мин Тин Маунг, Кеннет Сеин и Сеин Аунг Мин...

Бирманцы старались объединить в этой делегации трех театральных деятелей — актеров, музыкантов и танцовщиц. Это удалось благодаря тому, что все бирманские артисты считают своим долгом представлять свою страну в Советском Союзе...

Как заметил один из членов делегации, театральные деятели Кеннет Сеин, советский народ увидит полную демонстрацию бирманского искусства раньше народов других стран и даже раньше самих бирманцев...

ТАКИН ЛЕЙ МАУНГ, ответственный деятель Бирмы

Ансамбль дружбы

ТАШКЕНТ (Наш корр.). На этот концерт билеты были проданы за неделю. Студенческие ансамбли песни и танца Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики привлекло огромное количество народа...

Уйгурские мелодии давно любимы узбеками. Почти все наши певцы имеют в своем репертуаре по несколько уйгурских песен. А уйгурские народные танцы вошли в узбекское танцевальное искусство как его органическая часть...

только уйгурские, но и узбекские и казахские песни и танцы. Всех восхитило блестящее исполнение ими и русских народных песен!

Как рассказал корреспонденту «Литературной газеты» руководитель ансамбля начальник департамента культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района писатель Зия Самели, ансамбль создан в 1949 году в Урочми. Вскоре в его коллектив вошла большая группа артистов Капшанги, Хатана, Гуфая, Хами и других провинций. Ансамбль выступал с большим успехом в Ташкенте, Самарканде и Андижане.

Бирманские танцовщицы — члены культурной делегации накануне отъезда в Москву.

Бухара сегодня

Георгий ГУЛИА

В детстве у моего изголовья висела большая карта Российской империи. По ней я изучал названия городов, рек и морей. Но чаще всего глядел на непонятную желтину закаспийского края, где, как писали в учебнике географии, нет воды, где сплошные необитаемые песчаные просторы...

женством, не говоря уже о борьбе с прямым классовым врагом — остатками кровавого бухарского эмирата. Мы так привыкли к грандиозным масштабам наших успехов, что порою не замечаем более скромных, но несомненных достижений, совершающихся каждодневно у нас на глазах.

Земля здесь скупа. Требуется большое усердие, чтобы заставить легко поддающуюся засоленности почву служить трудовому люду. Отдельные участки сверху кажутся засажеными. Их придется тщательно промывать чистой водой из каналов и таким образом, избавившись от соли, подготовить поля под посевы.

В одном из переулков Бухары помещаются отдельные строения золотоплавильной артели. Вышивание золотом — замечательный образец народного творчества народа с гонимыми делом и резкой по дереву и ганчу. Гончары и резчики по дереву, надо прямо сказать, утеряли стимул к работе. Если Ширин Муратов, мастер резьбы по ганчу (материал, схожий с алебастром), смог блестяще своим искусством и украсить Бухарский зал в ташкентском Театре имени Навои, то его последователи лишены были возможности проявить себя и их замечательное мастерство хиреет. Нет работы и у тех, чтобы возродить мастерство резчиков по дереву.

Бухара сегодня — крупный культурный центр Узбекистана. За годы советской власти здесь сделано очень много для того, чтобы вывести город из состояния средневекового феодализма. Это, пожалуй, не столько касается внешнего облика города, сколько внутреннего мира его жителей.

Даже на примере артели золотоплавателей, казалось бы, процветающего дела, можно увидеть, как неправильно порою используются силы народных художников. Артель выпускает бархатные и шелковые шали, тюбетейки и сумочки. Она производит различные виды шитья золотом и серебром: сплошное шитье — заминузи, причудливый рисунок, объединенный в один орнамент — тархам, древний узор в виде небесных светил — хурхур и четырехугольную вышивку — точ. Здесь работает семидесятилетний мастер Мирзаев Рахмат. У него хороший вкус, огромный опыт и мастерство, которые он вкладывает в такую свою работу, как «Мавзолей Самани». Рисунок кирпичного мавзолея, подлинного чуда строительного искусства древности (он находится на территории парка культуры и отдыха), великолепен.

Очень любят бухарцы свой тенистый парк культуры и отдыха. Вечерами аллея парка заполнена старыми и молодыми горожанами, которые, к слову сказать, жалуют также своим вниманием несколько улиц в центральной части города. В часы досуга там много гуляющих, одетых в яркие национальные костюмы.

От старого мира осталось в Бухаре немало памятников культуры. На высоких башнях и минаретах по-хозяйски обособившись белые дачи. Летом молодые дачи часами неподвижно стоят на краях своих прочных гнезд, сплетенных из камня и соломы. Но не осталось в Бухаре «традиционных» болезней — малярии и лихорадки, источниками которых являлись стоячие воды многочисленных хаузов. Осушение болот, притоки энергии и последовательное, упорное искоренение стоячей воды многоочередными хаузов. Осушение болот, притоки энергии и последовательное, упорное искоренение стоячей воды многоочередными хаузов.

Легко перечислять все сделанное за годы советской власти в Бухаре, но за каждым, даже небольшим шагом вперед встают картины напряженного труда и борьбы, борьбы в первую очередь с феодальными пережитками. Ведь надо было не только малярию и лихорадку искоренить, но и сменить паразитизм с женского лица, действуя при этом убеждением, настойчиво и терпеливо. Надо было бороться и с много-

на партийном собрании писателей Ленинграда ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). Коммунисты местной писательской организации обсудили на днях вопрос о партийном просвещении в новом учебном году. Докладчик А. Дымыщ подчеркнул необходимость организовать политическое обучение так, чтобы она была ближе к жизни, к творческой работе. Выступивший в прениях В. Дружинин отметил, что в нашей политической учебе было много догматизма, начитанности. Изучение марксистско-ленинской теории необходимо органически связать с работой писателя, чаще проводить обсуждения, дискуссии о новых явлениях в литературе. В прениях выступили также С. Бытовой, А. Попов, Н. Луговцов, А. Минлер, А. Минковский. Собрание одобрило намеченные мероприятия по партийной учебе.

Можно ли бороться с обмелением Каспия?

КАСПИЙ, это гигантское озеро, самое крупное на земном шаре, мелет, что особенно заметно в северной его части, показанной на нашей карте. Процесс этот длится давно — черной краской обозначена часть дна Каспийского моря, обходящая за одно только десятилетие. Все дальние отступают море от берегов, причиняя колоссальные убытки народному хозяйству: отпадают от воды промыслы, портятся сооружения каспийских городов, снижается добыча рыбы, затрудняется мореплавание — уже сейчас многие районы стали недоступными для судов, страдая жизненно важные интересы нефтяной, химической и ряда других отраслей промышленности.

за последние сто лет увеличилась здесь на один-полтора градуса. Повышение годовой температуры в бассейне Волги на один только градус вызывает уменьшение ее стока на десять процентов. А ведь она одна несет в море четверть больше воды, чем все остальные реки его бассейна.

Возможно ли приостановить обмеление Каспия, поднять уровень его вод? — Этот вопрос и занимало наше совещание, в котором участвовали свыше двухсот ученых многих специальностей и было заслушано семьдесят докладов. Должен сказать, что выдвигаемые учеными проекты требуют весьма крупных средств. Так, за последние годы появилось несколько предложений о переброске в Каспий вод различных рек. Реальным пока является лишь проект переброски вод Онеги, Северной Двины и Печоры. Однако, например, сравнительно теплую печорскую воду надо забирать очень осторожно, так как она ухудшает условия плавания по Северному морскому пути. Если даже мы сможем заимствовать ежегодно из этих северных рек 50 кубических километров воды, то и тогда в какой-то степени ограничится падение уровня Каспия, но это будет не скоро и не даст радикального решения проблемы. Вот почему на астраханском совещании рассматривалось другое предложение, разработанное Институтом океанологии Академии наук СССР. Мы разработали схему так называемого локального регулирования уровня Каспия. Мы поставили перед собой вопрос: требуется ли поднятие уровня Каспия на всей его акватории? Нам кажется, такой надобности нет. Уровень воды надо поднимать только в тех частях моря, где это необходимо. Вот почему возникло предложение создать в первую очередь Северо-Каспийское водохранилище — путем строительства дамбы от западного берега северного Каспия к острову Кулалы. Длина такой дамбы должна достигать 450 километров. Предельная глубина моря в этом месте в настоящее время не превышает 3,5 метра. Через

Академия наук СССР провела в Астрахани, совместно с обкомом, широкое совещание с целью всесторонне осветить крайне важную государственную проблему и наметить пути ее решения. Корреспондент «Литературной газеты» обратился к председателю оргкомитета совещания, профессору Б. Аполлову с просьбой ответить на ряд вопросов, волнующих миллионы советских людей, и прежде всего тех, чья жизнь тесно связана с судьбой Каспия.

Однако эта причина — не единственная. Вам известно, как широко за последние годы используются в нашей стране водные ресурсы? Они идут на орошение и обводнение полей, на заполнение новых водохранилищ, на улучшение водоснабжения городов и сел и т. п. По подсчетам нашей научной сотрудницы В. Рутковской, с 1956 по 1970 год из стока рек, питающих Каспий, будет изъято 580 кубических километров воды. Это равносильно тому, что Волга перестала бы давать Каспию вод в течение свыше двух лет.

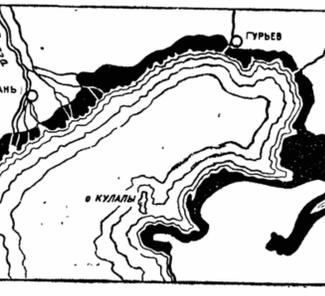
— Чем вызвано обмеление Каспийского моря, и насколько это серьезно? — спросил наш корреспондент.

Причины колебаний уровня этого богатейшего водоема, его подъемов и падений на протяжении веков своеобразны, — ответил ученый. — За последние десятилетия он особенно быстро и неуклонно падает. Начиная с 1929 года уровень моря снижлся уже на два с половиной метра, а объем его уменьшился на 940 кубических километров. Обмеление Каспия будет продолжаться и далее. По прогнозам ученых, например, к 1970 году вероятно падение уровня моря еще на метр, а возможно и на два. Одной из причин такого необычайного явления служат климатические условия, — главным образом, температура воздуха — в обширном бассейне Каспийского моря, в которой реки несут в него свои воды. За последние десятилетия в Северном полушарии, как известно, наблюдается потепление, которое, по-видимому, будет продолжаться и далее. Многолетние исследования климата показывают, что постепенное потепление идет, в частности, в бассейнах рек Волги и Урала, дающих основное питание Каспию; средняя годовая температура

да два года после постройки дамбы глубина на севере от нее достигнет 5,3 метра. Дамба, таким образом, потребует невысокая. Дамбу можно будет пересечь двумя каналами — для судоходства и для прохода рыбного населения моря. Таким образом, эта северная «рыбная» часть Каспия придет в нормальное положение. Если же расширить ее воды, то можно будет оживить и прилегающие к морю пустынные местности Казахстана.

— Но что же произойдет с каспийскими портами, такими, как Баку, Красноводск, Махачкала, и другими? — Они требуют перестройки, а поддержание глубины в каналах — дорогих двукратных работ. Но их можно отделить дамбами и шлюзами, как это широко практикуется во многих портах Англии, США и других стран.

— Получил ли одобрение этот проект на совещании? — Да, совещание решило, что эта схема является интересной и требующей изучения. Она не только открывает простой выход из положения, но и дает возможность решить также весьма важную проблему снабжения водой полуострова Мангышлак, улучшить мореплавание и т. д.

средняя годовая температура

да два года после постройки дамбы глубина на севере от нее достигнет 5,3 метра. Дамба, таким образом, потребует невысокая.

Оргкомитету совещания поручено продолжить свою работу с тем, чтобы довести принятые постановления до их проектного и производственного решения.

но, передан золотым шитьем. Между тем автор этого уникального произведения вынужден делать обычные тюбетейки, обязан «выполнять план». В угоду тому же плану плохо используется искусство таких народных художников, как Аминон Нутмаджан и Садулаев Сейфудин. Спрашивается: почему организация, носящая название Уздухошахвипромхоза, в ведении которой находится бухарская артель, не может использовать несколько самобытных мастеров для особо ценной художественной работы? Это можно было сделать без всякого ущерба для производственного плана.

Бухара находится, как известно, в центре большого оазиса, орошаемого рекой Зеравшан. Река теряется в песках совсем недалеко от Бухары. Если спросить, что нынче самое неприятное в городе, то оказывается — пыль. Правда, не та удушливая, ядовитая пыль, о которой мы читали в детстве. Нынче пыль вызывается, можно сказать, искусственно.

Старая Бухара была окружена глинобитной стеной протяженностью в несколько километров. Там были оригинальные башни и не менее оригинальные городские ворота (числом однадцать). Года три тому назад кому-то пришло в голову разрушить эту стену. Стали врать ее амоналоном, усадили всю окрестность семей и в конце концов бросили работу на середине. Стену, наверное, не следовало ломать, а уж если сломали, надо куда-то убрать остатки. Но об этом никто не заботится, и ветер по своему усмотрению довершает дело, затеянное местными градостроителями.

В тесных улочках старой Бухары особенно заметно, как мало здесь власти уделяют внимания активной пропаганде санитарных правил и как мало и неохотно организуют самостоятельную работу. Если бы городской Совет призвал население к наведению порядка на улицах Бухары, то понемногу, без особого напряжения сил, можно было бы значительно улучшить положение отдельных городских кварталов, до которых пока все еще «не дотягиваются» статьи городского бюджета...

Проходя мимо одной из древних построек, я обратился к сторожу-старуке: — Скажите, не в этом ли городе родился Холжа Насреддин?

— Да, в Бухаре. — А точнее, в каком квартале? — Сейчас это трудно определить.

Он ни на одну минуту не допускал, что реальное существование Холжи Насреддина, героя замечательного восточного фольклора и «гражданина Бухары», может быть подвергнуто какому-либо сомнению. В этом городе, где древняя культура почти на все накладывает свой особый отпечаток, любители истории, археологии, архитектуры и фольклора найдут для себя много приятного, помогающего больше узнать и о тех днях, когда здесь бушевали орды Тамерлана, и о более близких временах эмирата, когда существовали тридцать шесть видов налогов («облагалось все, кроме воздуха»). Здесь можно узнать и о славной деятельности ученых Улугбека, Наршахи и Абу-Али Ибн-Сины, поэтов Рудаки, Давки и Фирдоуси, познакомиться с произведениями неведомых мастеров прикладного искусства и послушать дивные сказки о хитромном Алдаре Кусе. Такой город, несомненно, требует к себе несколько большего внимания, чем то, которым его удостоивают нынче таджикские республиканские организации.

Многочисленные рассказы, которыми так богат этот город, заслуживают, чтобы их рассказывали детям. «Некто спросил встречного: — О, достопочтенный, могу ли я спросить о вашем брате, который является моим старым другом? Как его здоровье? — Он умер, — был ответ. — Мне очень тяжело услышать эту весть, но скажите, о достопочтенный, что было причиной его смерти? — Жизнь, — последовал ответ.

Прежняя мрачная жизнь, жизнь во всей ее совокупности называла Бухару до крайней степени обнищания в эпоху феодализма, окончившего свои дни около сорока лет тому назад. Но жизнь, новая жизнь вернула ей силы. А каналы, продолженные в пустыню, принесли свежий дышащий воздух и, несомненно, смягчат жар пустыни. Это время неслучайно. И говоря сегодня о несомненных успехах Бухары и ее области и о том, что ожидает их в будущем, мы должны еще раз назвать причину этого: — Новая жизнь.

БУХАРА

Недавно Государственной библиотекой-музеем В. В. Маяковского была приобретена редкая фотография В. В. Маяковского. Эта фотография сделана артистом А. Тетеринным в начале 1929 года, то есть во время постановки пьесы Маяковского «Клоп» в театре Мейерхольда. В работе над постановкой пьесы Маяковский принимал самое деятельное участие.

Вс. Мейерхольд. «Маяковский знал, что такое театр. Он умел владеть театром. Он обращался не только к чувствам и к чувствам. Он был настоящим революционером. Он не обращался к тем, которых влекло в мюзик-холл или к трафарету, он был человеком, насыщенным тем, что нас всех волнует. Он волновал, потому что был человеком сегодняшнего дня, был переломным человеком, был человеком, который стоял на страже интересов восходящего класса. Он не набрасывал на себя тогу с надписью: «Сегодня причисляется быть таковым». Он был таковым с юности, это его подлинная природа.

...Маяковский показал себя в совместной работе со мной не только замечательным драматургом, но также и замечательным режиссером. Сколько лет я ни ставлю пьесы, я никогда не позволял себе такой роскоши, как допускать драматурга к совместной режиссерской работе... Маяковского я не только допустить, а просто даже не мог начинать работать пьесу без него. Так было с «Мистерией-буфф», так было с «Клопом», так было с «Бенями». Я не мог начинать работу до тех пор, пока не завершил сам Маяковский. Когда мне случалось начинать работу самому, то всегда я все-таки, начав, бежал к телефону, звонил и просил его прийти немедленно. Маяковский всегда присут-

ствовал у меня в театре на всех первых репетициях. ...Я убежден, что если бы Маяковский остался в живых, то он был бы первым драматургом современности именно потому, что искусство сцены требует не только разрешения проблем сегодняшнего дня, но также и разрешения проблем того сегодняшнего дня, который весь пропитан будущим. Театр не терпит застоя и неподвижности. Театр как искусство всегда торопится, он знает только современность, и даже тогда, когда берет тематику прошлого, он старается показать ее, чтобы во всех ситуациях сквозил сегодняшний день. Этот был великий драматург, этот был великий Шекспир, эти были великие испанцы, то есть подлинный драматург, действительно рожденные для театра, люди, так ощущавшие свою современность, что она дышала этими прогнозами будущего.

В этом природа театра, и в этом значимость Маяковского как художника театра. Д. Шостакович. «В начале 1929 года Всеволд Эмилевич Мейерхольд, ставший «Клопом», предложил мне написать музыку к спектаклю. Я с удовольствием принялся за работу. На репетициях я познакомился с Маяковским. Мое представление об авторе «Облака в станах» не совпало с реальным человеческим обликом Маяковского. Я ожидал встретить одного человека, а встретил другого. Я nämlich думал, что Маяковский в жизни, в последнем быту оставался таким же, каким он был на трибуне, но на самом деле это было не так. Маяковский пораил меня своей мягкостью, общительностью, своей очень большой воспитанностью, и мне это очень понравилось. Это был очень мягкий, приятный, внимательный человек. Он любил больше слушать, чем говорить. Казалось бы, что он должен был говорить, а я слушать, но вышло все наоборот.

У меня состоялось несколько бесед с Маяковским по поводу моей музыки к «Клопу». Должен сказать, что первая из них произвела на меня довольно странное впечатление. Маяковский спросил меня: «Вы любите пожарные оркестры?». Я сказал, что иногда люблю, иногда нет. А Маяковский ответил, что он больше любит музыку пожарных и что следует написать к «Клопу» такую музыку, которую играет оркестр пожарников.

Это высказывание меня вначале изрядно огоршило, но потом я понял, что за ним скрывается более сложная мысль. В последующем разговоре выяснилось, что Маяковский любил не только музыку пожарных, что он с большим удовольствием слушает Шопена, Листа, Скрябина. Ему просто казалось, что музыка пожарного оркестра будет наиболее образом соответствовать содержанию первой части комедии, и для того, чтобы долго не распространяться о желаемом характере музыки, Маяковский просто воспользовался кратким термином «пожарный оркестр», и я его понял.

...Не берусь судить, понравилась ли Маяковскому моя музыка или нет, но ее прослушал и кратко сказал: «В общем подходит». Эти слова я воспринял как одобрение, ибо Маяковский был человеком очень прямым и лицевыми комплиментами не делался. На снимке: Д. Шостакович, В. Маяковский, В. Мейерхольд и художник А. Родченко в театре имени Мейерхольда.

Л. ШИЛОВ, научный сотрудник Библиотечно-музея Маяковского

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Это отвергнуто жизнью

8 июля 1944 года Президиум Верховного Совета СССР издал Указ, который установил, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов по отношению друг к другу и к детям. В связи с этим из компетенции суда было изъято установление отцовства при незарегистрированном браке. С тех пор внесение фамилии фактического отца в метрическое свидетельство ребенка, рожденного вне брака, не допускается даже в тех случаях, когда отец признает ребенка своим и сам просит органы ЗАГС зафиксировать в документах его отцовство.

Вследствие всего этого появилось и вошло в наш обиход неправомерное, как нам думается, официальное наименование «мать-одиночка», появились и стали обычным явлением метрические свидетельства, в которых имя отца ребенка заменяется прочерком. В результате возникли тысячи трагедий, ломающих жизнь женщин, которых именуют «матери-одиночками», и детей их, на которых обыватели смотрят, как на «незаконнорожденных».

Мы не будем сейчас спорить о целесообразности издания Указа от 8 июля 1944 года. Вероятно, тогда, в годы войны, этот акт был вызван серьезными государственными соображениями. Но сейчас, когда со времени издания Указа прошло уже более двенадцати лет, можно с достаточным основанием судить о том, каковы последствия его приложения к жизни. Огромный фактический материал со всей очевидностью говорит о тяжелом, двусмысленном положении тех женщин и детей, на которых распространяется действие Указа.

Материнство, одно из самых великих и светлых человеческих чувств, по существу, делится сейчас на незаконное и незаконное. Указ пришел в противоречие с нашей моралью, советским законодательством, всегда охраняющим интересы матери и ребенка, наконец с самой Конституцией СССР, утверждающей равенство мужчин и женщин, равенство всех граждан перед законом. Полное уравнение в правах детей, рожденных в браке и вне брака, Владимир Ильич Ленин считал одним из главных завоеваний революции в области семейных отношений.

В последние годы за отмену метрик с прочерком, за уравнение в правах всех детей страны неоднократно выступала «Литературная газета». Ее выступления поддержали читатели. Нам известно, что редакция получает огромное число писем, авторы которых — люди самых разных возрастов и общественных положений — требуют пересмотра этой части законодательства о семье. Получаем такую почту и мы, подписавшие это письмо. Пишут матери, бабушки, отцы и дети, рожденные вне брака, пишут и люди, к которым Указ не имеет прямого отношения, но которые тем не менее не могут мириться с таким явным нарушением норм нашей морали. Мы считаем своим долгом присоединиться к их справедливому требованию и просить Президиум Верховного Совета СССР отменить в законодательном порядке то, что отвергает сама жизнь.

С. МАРШАК, проф. Г. СПЕРАНСКИЙ, Д. ШОСТАКОВИЧ, И. ЭРЕНБУРГ.

НАПРАВЛЯЯ в «Литературную газету» письмо композитора Д. Кабалевского, адресованное в секретариат Союза писателей, считаем полезным для дела опубликовать его на страницах газеты. Гласность этой истории поможет и секретариату Союза писателей и всей писательской общественности правдивее и шире решить вопрос о мерах к искоренению волокиты и бездушия, все еще гнездящихся в нашем собственном писательском издательстве. По поручению секретариата Союза писателей СССР К. СИМОНОВ.

Историю, о которой я хочу здесь рассказать, при всем желании нельзя охарактеризовать иначе, как историю издательства «Советского писателя» над автором талантливой, умной и интересной книги. Подробности этой волокиты, тянувшейся ровно шесть лет, могли бы составить обильную рукопись. Но, как бы интересно и поучительно ни были эти подробности, я вынужден сейчас пройти мимо них и изложить суть дела в форме схематичной хронологии событий.

1950, ноябрь. — Александра Дмитриевна Бушен, ленинградский музыкант-литератор, автор ряда отличнейших работ о Верди (автора итальянским языком, она изучила все материалы о Верди, в том числе его огромную переписку в подлинниках), запросила издательство «Советский писатель» не заинтересоваться ли оно ее книгой о Верди — романом «Рождение оперы». Издательство ответило утвердительно.

1950, ноябрь. — Рукопись книги поступила в издательство.

1951, июнь. — Издательство вернуло автору рукопись с просьбой доработать ее и приложить три рецензии: И. Андроникова, О. Леонидова и музыковеда Л. Соловьева. Все три рецензии содержали ряд критических замечаний, но в целом были вполне положительными. И. Андроников писал: «Это не только талантливый биографический рассказ о великом композиторе Верди. Нет, Бушен написала книгу о торжестве реалистического искусства. Она подняла ряд очень важных современных вопросов».

«Ясно, что такую книгу надо издать непременно». В рецензии О. Леонидова сказано, что «автор свободно владеет материалом и как музыковед и как литератор», что «книга в целом интересная, ценная, увлекательная», что «она может быть выпущена «Советским писателем», так как это не только исследование музыковеда, но и талантливое литературное произведение». Музыкаловед Л. Соловьев отмечал: «Книга А. Бушен имеет познавательную ценность не только для широкого круга читателей, но также и для музыкантов-профессионалов. Издание этой книги... считаю вполне целесообразным».

1951, август. — На запрос автора, К. Горбунов сообщает ей: «Редсовет, в присутствии рецензентов, читавших ваше произведение, обсудил его. Пришел к выводу, что работа ваша заслуживает самого пристального внимания, интересна и поучительна...».

1951—1953. — Тяжело заболев после смерти мужа — известного ленинградского пианиста Александра Каменского, автор несколько задерживает работу над рукописью, но тем не менее заканчивает ее в осеню 1953 года.

1953, октябрь. — Рукопись в доработанном виде поступает в издательство.

1953, декабрь. — Издательство передает рукопись И. Андроникову на вторичное рецензирование.

1954 (начало). — Во второй своей рецензии И. Андроников пишет: «Великолепное знание материала, литературное мастерство и — что особенно важно — умение быть понятной неумяканным — все это обеспечит автору благодарное внимание читателей», «дух мнений, мне кажется, быть не может. Книгу необходимо издать...».

Все, казалось бы, ясно: книгу можно ставить на окончательное утверждение редсовета и принимать к изданию. Однако издательство поступает совершенно непонятным образом: продержав рукопись без движения в течение шести месяцев, оно без ведома автора передает ее в свое Ленинградское отделение.

1954, июнь. — Главный редактор Ленинградского отделения «Советского писателя» тов. Наузов возвращает рукопись автору, приложив подписанное им «редакционное заключение» на подлотеку страниц. Вывод этого заключения таков: «рукопись А. Бушен не является литературным произведением», «рукопись не может быть принята в качестве художественного произведения», «рукопись издана быть не может». Покровительственно замечает, что «язык рукописи вполне грамотный», тов. Наузов сам пишет в этом же духе: «автор обнаруживает широкую осведомленность с его (т. е. Верди. — Д. К.) музыкальным творчеством...».

1954, октябрь. — Автор, пораженный и удрученный таким неожиданным поворотом в судьбе ее книги, приезжает в Москву и обращается ко мне за советом и помощью. Я читаю рукопись и вижу, что это талантливое и увлекательное написанное литературное произведение, имеющее также и большую познавательную ценность, чрезвычайно интересное по постановке важнейших эстетических проблем, в первую очередь проблемы оперного реализма и связи художника с народом.

Я обращаюсь к заместителю министра культуры СССР тов. А. Назарову, но так как издательство «Советский писатель» не подчинено Министерству культуры, помощи от министерства получить не могу. Обращаюсь к секретарям СП тт. А. Суркову и Б. Подкову. Оба предлагают мне написать статью-письмо в «Литературную газету», полагая, что мое письмо такого рода положит конец «ходождению по мукам» книги А. Бушен. Однако А. Бушен просит меня не прибегать к этому способу, боясь, что ей после этого навсегда будет отрезан путь в издательство. Тогда я обращаюсь в Гослитиздат, где, по моей просьбе, рукопись читает директор издательства А. Котов и главный редактор А. Пузиков. Оба они находят книгу интересной. А. Пузиков дает автору книги и мне блестящий отзыв

ВЕРНЕМСЯ К «КОЛЮЧИМ СТРОЧКАМ»

Напомним вкратце содержание статьи «Колючие строчки», напечатанной в нашей газете 4 мая 1954 года. В городе Каменка, Пензенской области, долгое время велась систематическая травля сотрудников районной газеты А. И. Казакова — автора ряда критических статей и острых разоблачительных фельетонов. Некоторые руководители Каменского района повторяли клеветникам и глушителям критики, проявили полное безразличие в судьбе журналиста.

24 июля 1954 года «Литературная газета» сообщила читателям, что статья «Колючие строчки» была обсуждена на заседании бюро Каменского райкома партии; она признана правильной. «Принят ряд практических мер по улучшению работы с авторским активом районной газеты и развертыванию критики на ее страницах».

Прошло больше двух лет. Недавно, разбирая редакционную почту, мы обнаружили конверт со штампом «Каменка, Пензенской области» и с очень знакомым обратным адресом: село Владыкино, А. И. Казакову.

«Дальнейшее пребывание на работе стало невозможным», — писал Казаков. — Говорят, что русский человек на обиду отходчив. Таков и я. Больше трех лет терпел обиду, все ждал, что издательства прекратятся, но теперь понял, что конца этому не будет, а потому и решил просить у вас защиты...».

Мы выехали в Каменку.

МНИМЫЕ ГРЕХИ Александр Иванович Казаков живет в селе Владыкино, в двенадцати километрах от Каменки. Чуть свет отправляется он на работу в редакцию газеты «Каменский колхозник» и поздним вечером, а то и ночью возвращается домой. «Весной и летом еще терпимо», — пишет Казаков, — но вот осенью и зимой бывает очень трудно».

В день нашего приезда в Каменку прошел дождь, и выражение «грязь по колено» приобрело самый что ни на есть прямой смысл: густой слой дорожной пыли превратился в липкое, густое месиво. По одной из таких дорог ходит Казаков. Пять-шесть часов ежедневно затрачивает он на переход по маршруту Владыкино — Каменка — Владыкино. Сколько энергии и времени уходит у него впустую!

— Разве нельзя выделить Казакову небольшую комнату в Каменке? — спросил мы первого секретаря райкома партии тов. Глазунова.

— Он не подавал заявления. — А если подаст? — Ничего не выйдет. У нас туго с жильем.

Полноте, товарищ Глазунов! Не так уж это сложно предоставить место для ночлега нужному в районе человеку, создать ему условия для нормальной работы. Тем более, что этих условий нет у него и во Владыкино: пятеро членов семьи Казаковых ютятся в одной комнате старого, полуразвалившегося дома.

— Ибушка на курьих ножках, смотреть тошно, — так в беседе с нами охарактеризовала жилищные условия Казакова секретарь райкома партии тов. Шаталова.

Энтузиазм и упорство, любовь к легкой и бесполой профессии журналиста, вера в свою правоту — вот что помогает Казакову стойко переносить невзгоды. Истинно удивительная работоспособность этого художника, еще не старого по годам человека с живыми, слегка воспаленными от недосыпания глазами и преждевременными морщинами на лице. В редакции Казаков ведет сельскохозяйственным отделом, а кроме фельетонов, пишет очерки, статьи, информации, организует выступления передовиков сельского хозяйства.

— Ценный работник, хороший журналист, — в один голос заявляют все, кто знает Александра Ивановича. Вслед за этим недоброжелатели — а их у Казакова, как известно, немало — произносят многосложное «но...». И начинают по пальцам перечислять его «грехи»: пьянство, взыскания, вымогательство, гипнозизм... Эти нелепые, клеветнические измышления можно опровергнуть еще авторами «Колючих строчек». Нам тоже не удалось найти ни одного человека, который с правом очевидца мог бы подтвердить хоть одно из обвинений, предъявляемых Казакову. «Люди говорят», «мова ходит», «соседи вывели» — такова испытанная «аргументация» клеветников.

Но вот в мае 1956 года, к великой радости недругов Казакова, появилась ре-

Ю. ДАШЕВСКИЙ, Евг. ФЕДОРОВ, специальные корреспонденты «Литературной газеты»

альная возможность опровержить беспочвенного журналиста. Было заведено уголовное дело по обвинению жены Казакова — Казаковой Александры Илларионовны в преступлении, предусмотренном статьей 74, часть I, Уголовного кодекса РСФСР, иными словами — в хулиганстве. Что же произошло?

В один из майских дней 1956 года супруги Казаковы жили в помещении Владыкинского сепараторного пункта, где раньше работала Александра Илларионовна. А вслед за ними туда вернулась буфетчица Авдеева и учинила скандал, обвинив Казакову в том, что она ее «краговорила» ее поклонника. От нецензурной брани Авдеева перешла к более решительным действиям, и между женщинами произошла потасовка, в ходе которой они нанесли друг другу «телесные повреждения, относящиеся к категории легких, не сопровождающиеся расстройством здоровья».

Вскоре в райком партии поступило заявление Авдеевой, в котором она, вопреки истине, обвиняла во всем происшедшем Казакову и ее мужа и требовала примерно их наказать. Как же поступил тов. Глазунов? Недолго думая, он препроводил эту жалобу начальнику районного отделения милиции Шубину. И не просто препроводил, а еще и наложил резолюцию: «Прошу вас разобраться и хулиганов привлечь к ответственности».

В фельетонах Казакова не раз фигурировали некоторые работники районной милиции. Нетрудно представить, с каким рвением взидали они за расследование этого случая. Райком с резолюцией тов. Глазунова появился еще одна: «Тов. Мохнатов. Срочно проверить Шубина».

Следует отдать должное Мохнатову: он полностью оправдал доверие своего начальства. Стремясь закончить следствие в предельно короткий срок, Мохнатов не оставил в покое Казакову даже тогда, когда она заболела и легла в больницу. Ретивый следователь приходил к ней в палату, звонил по телефону врачам, требовал подробную справку о ее болезни и в конце концов добился своего: Казакову из больницы выписали. Правда, вскоре здоровье ее резко ухудшилось, к прежнему диагнозу прибавился новый — «функциональное расстройство нервной системы», и она попала в другую больницу. Но какое дело до всего этого Мохнатову: следствие к тому времени было закончено, листы дела подписаны и пронумерованы, санкция прокурора получена.

Прочитав многочисленные протоколы допросов, акты, справки и прочие документы этого «дела», прежде всего приходишь к выводу, что обоюдная ссора на личной почве искусственно раздута до степени преступления перед обществом, что следствие велось крайне необъективно. Особенно отчетливо это выливалось в ходе судебного разбирательства. Народный суд не нашел оснований для обвинения Казаковой в хулиганстве и вынес решение о взыскании с нее денежного штрафа.

— Такое же наказание понесет Авдеева, если Казакова подаст заявление, — сказал нам судья Турецков.

Нет, не на такой исход рассчитывали те, кто завел и раздувал это дело! Не случайно еще в ходе следствия в районе распускались слухи, что песенка Казакова спела, что в редакции он работает лишь до тех пор, пока не осудили его жену. Быть может, не случайно и то, что на обложке дела № 2897 указана не первая часть статьи 74 Уголовного кодекса РСФСР, по которой было предъявлено ей обвинение, а часть вторая, имеющая в виду и отягчающие обстоятельства и более суровую меру наказания. Ошибка следователя или неосуществившийся замысел?

«КРИТИКА РАДИ КРИТИКИ» — «Колючие строчки» — неправильная статья, — объявил в начале нашей беседы тов. Глазунов. — Что же там неправильно? — Все!

Мы протягиваем тов. Глазунову номер газеты с «Колючими строчками» и просим конкретизировать это важное для нас заявление. Наш собеседник долго водит пальцем по газетным столбцам. Наконец, лицо его проясняется.

— Вот, нашел: название колхоза перепутано.

— А еще? — Выясняется, что в статье пленум ошибочно назван совещанием. Нам пришлось напомнить секретарю райкома о решении бюро, признавшем эту статью правильной.

Казаков и «кабинетный работник» — что может быть нелепее подобного сравнения? Нет, беседа с тов. Глазуновым не оправдала наших надежд, продолжать ее не имело смысла. Зато нам стало ясно, почему в Каменском районе волготно чувствуют себя глушители критики, и почему так плохо живется там Казаков.

8 мая 1954 года в областной газете была опубликована статья «Критика ради критики». В ней говорилось о том, что многие критические выступления газеты «Каменский колхозник» не достигают цели: на них в районе не реагируют, из критики не делают выводов. Перелистайте комплект «Каменского колхозника» за последние два года, и вы легко убедитесь, что с тех пор решительно ничего не изменилось. По-прежнему очень редко, от случая к случаю, появляется рубрика «По следам наших выступлений».

Перед нами толстая пачка газетных вырезок. Это фельетоны и критические корреспонденции Казакова. Почти на каждой вырезке рукой автора сделана надпись: «Меры не приняты». Может быть, не подтвердились факты? Нет, все правильно. Так почему же герои фельетонов — жулики, бюрократы, чинуши, нерадивые хозяйственники — остаются безнаказанными? Только ли редакция повинна в этом? Главное, нам кажется, в другом — в стиле работы райкома партии и прежде всего его секретаря тов. Глазунова.

— Нам запрещено критиковать районных руководителей, — сказала нам заместитель редактора газеты «Каменский колхозник» К. Карабина.

— Кем запрещено? — Точно не помню. Но знаю, что критика в адрес секретарей райкома партии и председателей райисполкома запрещена.

Робко и нерешительно критикует газета «номенклатурных» лиц, все реже появляются на ее страницах острые материалы. Иной раз работники райкома партии без достаточных оснований вмешиваются в работу редакции, а редактор И. Семеничу недостает в таких случаях принципиальности, смелости отстаивать свои позиции. Характерный случай произошел в свое время с фельетоном Казакова «Ученица-стага». Журналист хотел рассказать читателям о возмутительном случае: директор Владыкинской семилетней школы Н. Бузалин нянул домработницей ученицу шестого класса Нину Крючкову. Девочка просыпалась в три часа утра, дала корову, топилась печь, готовила завтрак своему директору, а затем наспех готовила уроки и отправлялась в школу. Когда фельетон уже стоял в газетной подосе, позвонил из райкома и дали указания: немедленно снять. Фельетон так и не увидел света. Оказывается, критиковать педагогов в Каменском районе тоже нельзя — это подрывает их авторитет перед учениками...

«Что же дальше!» Статья «Колючие строчки» вызвала многочисленные читательские отклики. Один поток теплых, дружеских писем и телеграмм на имя Казакова хлынул в редакцию, другой — в Каменку и Владыкино. Неизвестные люди желали Александру Ивановичу счастья и успехов в работе, поминали недобрым словом тех, кто мешал ему жить и трудиться.

«По себе знаю, как трудно работать фельетонистом в районной газете, — писал Казакову его одноклассник, студент московского вуза Ю. Казаков. — Одно беспокойт: не испугались ли вы всех передат, не сдали ли позиций, не сложили ли того очень сильного оружия, которым вы владеете...».

Нет, не сложил и не сложил Александр Иванович оружие. Но, как видно, не намерены его складывать и зажимники критики. Дважды выступала в защиту Казакова «Литературная газета». Невольно напрашивается вопрос: что же дальше? Неужто так сильны противники Казакова, что и на треть выступление центральной газеты придет отписка?

Заметка от 24 июля 1954 года заканчивалась так: «Признав факты правды, бюро Каменского райкома КПСС, а вслед за ним и тов. Цетков (секретарь Пензенского обкома КПСС. — Ред.) не сообщили, какое же наказание понесли виновники трагедии корреспондента. А этот вопрос закономерно волнует читателей... Идет на него ответ и редакция». К сожалению, виновники и понные так и остались безнаказанными. Вот почему-то нам и пришлось снова рассказать обо всем этом читателям. КАМЕНКА, Пензенской области

(устный) о рукописи. Руководство Гослитиздата сносится с руководством «Советского писателя» и, дав рукописи очень положительную характеристику, возвращает ее туда для издания.

1954, декабрь. — Рукопись вновь лежит в издательстве «Советский писатель». Я даю в издательство обстоятельный письменный отзыв, решительно высказываюсь за немедленное издание книги.

1955, март. — Рукопись посылается на новое рецензирование Е. Книпович. В полученной рецензии говорится: «Выпустить книгу из поля зрения издательства было бы неправильно, потому что книга эта обладает многими достоинствами».

1955, март. — Бывший тогда заместителем редактора П. Чагин созывает совещание для решения вопроса о судьбе рукописи. Присутствуют: П. Чагин, В. Ситня, И. Андроников, Л. Соловьева, А. Пузиков и Д. Кабалевский. Все присутствующие единогласно высказываются за издание книги А. Бушен. Чагин объявляет решение и поручает мне сообщить его автору: рукопись принимается к изданию, и с автором немедленно будет заключен договор.

1955, апрель. — Издательство направляет автору рецензию Е. Книпович и вновь просит «доработать» рукопись. Вместо договора с автором заключается «предварительное соглашение» и ему переводится аванс в размере 5 000 рублей.

1955, июль. — Рукопись, вновь рассмотренная автором, возвращается им в издательство и лежит там два месяца.

1955, сентябрь. — Рукопись дается на новую (седьмую!) рецензию В. Перцова. И эта рецензия оказывается положительной. Рукопись продолжает лежать в редакции.

Бесконечное количество раз звоню я в издательство, пытаюсь выяснить судьбу рукописи. Заведующий отделом В. Евгеньев каждый раз заверяет меня, что «все в порядке». Директор издательства М. Корнев на мои слова, что история с книгой тянется уже пять лет, говорит, что «бывает и дольше»: на слова о том, что было уже восемь положительных рецензий (к этому времени был получен еще один отзыв — В. Раковской), говорит, что «бывает и больше». Рукопись лежит без движения.

1956, апрель. — Б. Евгеньев сообщает мне, что рукопись одобрена редсоветом издательства, утверждена в плане на 1956 год, что редактором назначена Раковская, в высшей степени положительное отношение к рукописи. Все это, по поручению В. Евгеньева, я сообщаю автору, потерявшему к этому времени уже всякую надежду на издание своей книги.

1956, май. — На мой вопрос о том, когда же с автором будет заключен договор, Б. Евгеньев сказал мне, что ускорить заключение договора можно будет лишь в том случае, если автор напишет в издательство заявление с соответствующей просьбой, мотивированной ее тяжелым материальным положением. Понимаю всю нелепость и inutilность такого предложения, я все же сообщаю о нем автору и буквально заставляю его написать соответствующее заявление, стремясь любым способом приблизить конец всей этой чудовищной истории. Написанное против воли автора заявление возымело свое действие: с автором был заключен договор и переведено 60 процентов договорной суммы. Возмужно, что сыграло роль вмешательство А. Суркова, к которому я вновь обратился с просьбой повлиять на издательство.

1956, июнь. — Автор приезжает в Москву для установления порядка работы с редактором. К крайнему его сожалению, Б. Евгеньев задает ей вопрос: «А вы уже нашли редактора для своей книги?». На этот о том, что Кабалевский по его (В. Евгеньева) поручению передал ей, что В. Раковская уже назначена редактором, Б. Евгеньев ответил: «Попробую с ней поговорить».

1956, июль. — Автор звонит из Ленинграда в издательство, и Б. Евгеньев отвечает ей: «В самые ближайшие дни вы получите ответ от редактора вашей книги...».

На этот хронологии событий, связанных с рукописью книги А. Бушен, объявляется. Прошли «ближайшие дни». Прошло три с лишним месяца. Никаких сообщений из издательства автор так и не получила. Если удалось добиться от издательства выполнения ряда формальных действий (договор, аванс), то по существу положение остается неизменным: рукопись лежит без движения, редактор не назначен. Прошло шесть лет со дня представления рукописи в издательство.

Я думаю, что изложенная выше схема событий не нуждается в каких-либо комментариях. Могут лишь добавить, что ни И. Андроников, принимавший живое участие в судьбе рукописи А. Бушен, ни я — мы больше не в состоянии обращаться в издательство и беседовать с его сотрудниками. При этом совершенно непонятно, что все эти пороки в работе издательства «Советский писатель» проявились по отношению к книге, получившей единодушное одобрение многих специалистов, книга, которая по своим художественным и научным достоинствам представляет бесспорный интерес для широкого читателя.

Д. КАБАЛЕВСКИЙ

Открытие клубного сезона

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В субботу, 6 октября, в Доме писателя имени Маяковского открылся зимний клубный сезон. На вечер выступили А. Решетов, С. Орлов, Л. Рахманов, Д. Гранин, С. Цимбал. Они рассказали о наиболее интересном, что им удалось увидеть во время своей турист-

ской поездки на теплоходе «Победа». Тепло было встречены прибывшие на вечер артисты Французского Национального народного театра. Гости из Парижа присутствовали на концерте артистов ленинградских театров и эстрады, а затем поделились своими впечатлениями о Москве, Ленинграде, о спектаклях советских театров.

Неделя белорусской литературы в Молдавии

В Молдавии проводится неделя белорусской литературы. В городах и селах республики выступают белорусские писатели Иван Шамякин, Максим Лужанин, Никола Хведарович, Михаил Калачинский, Владимир Корбан, Рыгор Нехаев, Владимир Карпов, Иван Громовац, Николай Горбуле, Артур Вольский, Анастоль Астрейка, Аркадий Мозгов.

На литературных вечерах писатели Белоруссии рассказывают о развитии своей литературы, знакомят читателей с произведениями классиков и современных писателей. Некоторые из гостей уже не первый раз в Молдавии. Поэт Михаил Калачинский написал ряд прочувствованных стихов, посвященных природе и людям республики, дружбе молдавского и белорусского народов. Его стихотворение «Полюбимы» заканчивается такими стихами:

У нас такие уж края,
Такой закон на свете,
Не просто все мы здесь друзья —
Одной Отчизны дети!

Неделя белорусской литературы проходит под знаком дальнейшего укрепления дружбы литераторов двух народов. Трудящиеся Молдавии проявляют большой интерес к белорусской литературе. В эти дни в республиканской прессе публикуются стихи и рассказы белорусских писателей. В книжных магазинах повисла спрос на их книги. В библиотеках и клубах организованы книжные выставки.

Литературные вечера с участием белорусских писателей состоялись на предпринятых, в учебных заведениях Кишинева, Тирасполя, Бендера, Оргеева, в совхозе имени Фрунзе, в колхозе «Вне ноуз». На вечерах выступают также молдавские поэты и прозаики, члены литературных объединений, которые читают свои произведения и произведения белорусских писателей, переведенные на молдавский язык. КИШИНЕВ. (По телефону)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

ВСТРЕЧА С ДЕЛЕГАЦИЕЙ ЛИТЕРАТОРОВ ЕГИПТА Встретились в библиотеке иностранной литературы с читателями Москвы. Глава делегации доктор Мохаммед Мансур рассказал о состоянии современной литературы Египта. Затем выступили Мохаммед Саид Аль-Ериани, Абдеррахман аш-Шаркани, Шауки Дияф и другие гости. В библиотеке была развернута выставка арабской, в том числе египетской, литературы.

В СВЯЗИ С 60-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. АНТОКОЛЬСКОГО В Центральном доме литераторов состоялся творческий вечер поэта. Председательствовал на вечере К. Симонов, выступил поэт П. Антокольский. С теплыми приветствиями к юбиляру обратились товарищи по работе, поэты и прозаики, деятели искусства. Открыта выставка, посвященная творчеству юбиляра.

РЕГУЛЯРНО ВЫХОДИТ В ЯКУТИИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛМАНАХ «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА» Из шести номеров, выходящих ежегодно, четыре издаются на якутском языке, два — на русском. С сентября альманах реорганизован в двухмесячный журнал.

ГРУППА ГРУЗИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПОБЫЛА В ГОСТИХ У ЛИТЕРАТОРОВ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ Состоялся литературный вечер, на котором выступили писатели обеих республик.

В СВЕРДЛОВСКОМ ОТКРЫЛ И. ЛИСТАНОВА На митинге, посвященном открытию, присутствовали писатели, представители общественности города. Автор скульптуры — Э. Нейзвестный.

ОСЕНЬЮ 1958 Г. ИСПОЛНЯЕТСЯ 300 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ГРУЗИНСКОГО ПИСАТЕЛЯ, ФИЛОСОФА И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ СУЛХАН-САБА ОРБЕЛИАНИ В связи с этим создан республиканский комитет под председательством И. Абашидзе.

ХАРАКТЕРЫ БЫВАЮТ ТИПЧЕСКИМИ, но отсутствие характеров типическим быть не должно. И все же не только рассказы, даже романы и поэмы появляются иногда в форме как бы предвзятой, конспективной. Материал важный, конфликт придают, роли между положительными и отрицательными персонажами распределены... Все правильно, лишь характер нет как нет.

Вот прочитана поэма Дм. Рябухи «Новоселы», закрыта последняя, сорок шестая страница. С героями поэмы мы так и не познакомились. Мы не знаем, как они выглядели, каков их облик, есть ли у них личная жизнь. Известны только должности.

Действие происходит на целинных землях Казахстана. Работники совхозного отдела кадров, вероятно, знают гораздо больше, чем стало известно читателям. Впрочем, не будем завидовать кадровикам. Не хватает не биографий, не автобиографий, не паспортных данных. Ведь не в том, что нет имен. Это не обязательно. В поэме просто нет живых характеров. Нет пристрастия к изображению, нет той конкретности, тех подробностей, которые создают достоверность произведения, с которых начинается высокое искусство.

Обдуманный чертёж, своевременный замысел, важная тема — все должно наполняться живым дыханием жизни, этим, пусть не единственным, но важнейшим условием художественности.

А пока что в поэме рассказывается нечто приблизительное, отвлеченное, условное. Есть, например, некий «специально обученный из райцентра». Рассказывает на машине по бригадам и дает неведомые, неслышанные указания. Условнооченный метеоролог мелькает не только в бригаде, но и в самой поэме. Появился, исчез, точно его и не было. С действием поэмы не связан. Лицо иллюстративное.

Есть в поэме и бригадная повариха. Матерински заботлива. Заботлива вообще, декларативно. Никаких поступков в поэме ей совершить не дано. Лицо опять-таки иллюстративное.

Есть молодой бригадир. На Кубани он был знаменит. Привык к славе и к тому, что все под рукой. А здесь хандрит:

Тыма замнок на пути,—
Отозвался бригадир.

Есть парторг. Тоже условный. Какой парторг? Вообще парторг. Приблизительный.

ДЕВЯТЬСОТ ТЫСЯЧ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

Откуда бы ни приехал в Москву человек, он не упустит случая посетить сокровищницу русского изобразительного искусства — Третьяковскую галерею. В книге отзывов сотни восторженных записей. «То, что мы видели сегодня, говорит о том, что русское искусство является древним, славным и известным. Русское искусство показывает величие русского народа и его славную историю. Третьяковская галерея желает еще больших успехов советскому народу в строительстве коммунизма, в осуществлении его будущих планов», — пишут в книге отзывов делегаты Третьяковской галереи.

Об огромной популярности сокровищницы русского изобразительного искусства свидетельствуют такие цифры: за девять месяцев ее посетило более 900 тысяч человек — семь тысяч групповых экскурсий, в том числе более тысячи иностранных делегаций.

НА СНИМКЕ: группа швейцарских журналистов в одном из залов галереи. Фото В. Леонова

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Лицо молодежного журнала

На днях секретариат Союза писателей СССР обсуждал работу журнала «Молодая гвардия» в связи с выходом первого номера.

Журнал «Молодая гвардия» объединяет на своих страницах задачи молодежного литературного и общественно-политического журнала с задачами литературно-учебной деятельности писателей. Перед изданием такого типа открыты большие возможности и широкие творческие перспективы, но определение профиля этого журнала заключает в себе и значительные трудности.

Об этом говорил в своем докладе главный редактор журнала А. Макаров.

Все товарищи, принимавшие участие в обсуждении первого номера журнала, и ставя своей целью помочь редактору и коллективу редакции в творческих поисках лица нового молодежного журнала, хотя едва ли не большинство выступавших отмечало, что становление нового издания — дело продолжительного времени и оно не может завершиться в первый же его номер.

Одним из основных вопросов, который тревожил выступавших, был вопрос о естественном и закономерном сочетании двух основных задач молодого журнала. Высказывались опасения, не помешает ли углубленный интерес редакции к вопросам литературной учебы его живым связям с действительностью, его актуальности, не вытеснит ли большие статьи, посвященные чисто литературным вопросам, материалов, непосредственно отражающихся на жизнь.

Соответствуют ли серьезные литературоведческие статьи, даже глубокие и яркие сами по себе, широкому и многообразному интересу молодых читателей, запросам, связанным с их повседневным трудом, борьбой и учебой. Подобные опасения, в частности, высказывали Е. Кинювич, а также член редколлегии журнала В. Смирнова.

Однако как сам докладчик, так и большинство участников обсуждения — в частности зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ Н. Мяснев, К. Симонов, Н. Чуковский — отметили, что отдел «Белые о ремесле», представляющий в первом номере материалы статей таких мастеров, как К. Федин, С. Маршак, В. Смирнова, А. Арбузов, вполне соответствует профилю и задачам нового журнала.

Едва ли не единодушным мнением было и то, что рубрика очерка и публицистики — наиболее уязвимое место в работе «Молодой гвардии». Поэтому был поставлен вопрос о необходимости создания специального отдела очерка и публицистики, укрепления редколлегии журнала за счет введения в нее писателя или журналиста, имеющего опыт в публицистике, который возглавит этот отдел, а также о выделении специальных средств для того, чтобы редакция имела возможность посылать в командировки молодых писателей.

Лейтмотивом едва ли не всех выступлений был разговор о том, что необходимо уделять постоянное внимание молодым писателям и их творчеству, которому и должно принадлежать основное место в журнале.

Интересные советы и пожелания редакции высказали Н. Атаров, К. Симонов, Н. Чуковский, А. Яшин. Эти советы касались и необходимости создания многообразных и оригинальных отделов и рубрик и усиления и углубления уже существующих (например, посвященных документам эпохи, революционным традициям нашего общества, творческому опыту).

Отмечалось отсутствие в первом номере журнала материалов, посвященных науке, технике и спорту, которые занимают большое место в жизни нашей молодежи и должны найти достойное отражение на страницах молодежного журнала.

Секретариат не принимал специального решения по докладу А. Макарова, но творческий характер сложившегося обсуждения являлся тем не менее реальной и конкретной помощью молодому журналу.

Теория и практика «недосуга», преобладания в мастерстве еще нет-нет, да и сказывается, у некоторых литераторов. Так как созидательный труд советских людей непрерывно выдвигает новые и новые творческие темы, то выходит, что о художественном мастерстве заботиться «то к слуху».

Вот когда (сверх всякой меры) Будет не о чем писать, Я примусь на все манеры Необычные размеры На досуге «сочинять».

А старинному другу уже отвечено: Я размер беру любой, Коль звучит непохожо, Лишь бы он своей стопой В ногу шел с эпохой...

Видимо, недосугом следует объяснить и неслышанные, неудачные обороты речи: «Нельзя неверный след... пошел взглянуть мой след».

ПОМНЮ, лет двадцать назад, погодечный чтением новой повести Валентина Катаева «Беле-парус одинокий», я вдруг почувствовал легкий толчок, вернувший меня из мира прошлого в современность. Толчок был так незначителен, что я даже не сразу понял, в чем дело...

Убийственная помощь

В. ГОФФЕНШЕФЕР

«закарины» ее толстого купода дышала и волновалась... как края парашюта». Действие происходит в 1905 году. Никаких парашютов Шета тогда не видел. Ассоциация возникла не у героя. На медузу смотрел не Петья, а автор, — из тридцатых годов, когда в нашем небе появилось много парашютов.

Это — мелочь, которую, возможно, многие и не заметили. Случайная, она теряется в романе, превосходно воссоздающем атмосферу изображаемого времени и среды. Но такие мелочи, если они не единичны и не случайны, способны разрушить исторические приметы образа, ибо в художественном произведении атмосфера времени, объем и особенности сознания героев воссоздаются из достоверных деталей — описательных, речевых.

Вот вы раскрываете роман о событиях более, чем полудековой давности. Вы читаете, в частности, о том, что деревенский парень решил в 1903 году пойти в город, стать рабочим. Он делится своей мечтой с сельской учительницей. И та отвечает ему: «Заводской коллектив — самая лучшая среда для тебя». Эта стереотипная фраза, перенесенная из послереволюционного языка в начало века, даже не бросается в глаза, — по той простой причине, что в книге то и дело встречаются подобные ей. Та же учительница говорит мальчику: «Закончишь сельскую школу, а там можно и о дальнейшей учебе подумать», хотя в то время слово «учеба» употреблялось только в отрицательном смысле, как «муштра». Вы читаете: «конспектировать проработанный материал», «напарник» (этот неологизм к тому же назван создатель для проведения политической работы), «авиа обязательна» (так сообщается о союзе деревенского схода) и т. д.

После этого вы не удивитесь тому, что в 1903 году мебельная фабрика в Москве называется «мебельным комбинатом», как мастера цехов этого «комбината» состоят инженеры, что управляющий инженером «господин начальник цеха» и говорит рабочим, что на «комбинате», «как вы сами знаете, была проведена рационализация...».

Что это, мелкие антиисторические и антихудожественные погрешности, которые можно было устранить мало-мальски опытным редактором? Если бы это было так, не стоило бы о них писать. Эти мелочи связаны с более существенными недостатками и вопросами.

Известно, что к началу XX века в связи с развитием капитализма в деревне усилилось и классовое расслоение крестьянства. Об этом много писал Ленин. Но покажется ли вам исторически достоверным большевик, который встретив деревенского парня, с места в карьер задает ему вопрос: «Как у вас в деревне мужики настроены? Небось, расслоение идет полным ходом?». Странное представление об объективном историческом процессе и его движущих силах! Странное представление о большевизме начала века, задолго до его возникновения, словно упомянутый райкомом партии — о ходе посевной кампании!

Еще печальнее в романе обстоит дело с поведением и речью представителей царской власти и эксплуататорских классов. Они толкуют и делают, что тщательно разоблачат перед другими персонажами и перед читателем свою классовую сущность. Причем это саморазоблачение производится ими оригинальным способом: в уста полицейских чинов, уездных начальников, помещиков и фабрикантов вложены социально-аналитические формулы революционной марксистской литературы, характеризующей политические тенденции правых классов.

Например, земский начальник в беседе за именинным столом внушает своим гостям: «У морды тоже есть своя культура, верхушка, интересы которой совпадают с нашими интересами. Отталкивать ее не следует». А граф — уездный предводитель дворянства в 1907 г. говорит кулаку — волостному старшине: «Необходимо сломить единство деревни, а для этого привлечь в отрубники на хутора всех зажиточных крестьян». Так и представляется себе, что этот пензенский помещик, столь четко разглагольствующий старшине политическую сущность и тактическое значение столыпинской реформы, только что получил из Финляндии неадекватный большевистский «Пролетарий» и решил использовать в своей, так сказать, «агитбесе» слова напечатанной там статьи Ленина о том, что «помещики вынуждены направлять все усилия на раскол крестьянства для ослабления общекрестьянского натиска».

В приведенных примерах языковой антиистория не столь безобидна, как заметна «фабрика» «комбинатом». Ибо у читателя может создаться неверное представление о классовой борьбе и самосознании борющихся классов, о роли и силе ленинских и буржуазных. В самом деле, если представители господствующих классов на каждом шагу столь четко и вполне в духе марксизма характеризовали свою классовую сущность и тактику, то к чему же сводилась задача революционных марксистов при анализе и разъяснении этой тактики рабочим и крестьянам? К тому только, что они предавали гласности уже сформулированные самими эксплуататорами истины, кто ли?

Столь же наивно и облегченно изображена в романе подпольная деятельность революционеров. Вот большевик с чужаком неадекватной литературы приходит в дом, где «каждый час» жут обиска. Его предупреждают об этом. Тем не менее он отдает припрятать чемодан и вместе с хозяевами садится ужинать. И надо прямо сказать, что конспираторские способности этого опытного революционера вызывают не меньше сомнений, чем его пресловутый вопрос о ходе расслоения.

Не менее странно ведет себя и другой участник подпольной революционной группы — уже упомянутая нами учительница Мария Афанасьевна. То она опасается идти в соседнюю деревню, не переоде-

вшись крестьянкой, то совершенно открыто ведет революционную пропаганду. Это именно она решила «использовать сочинение для проведения политической работы». Она утравляет в школе сагу, приглашает на нее всех школьников и их родителей и произносит перед ними речь, которую в тогдашней обстановке безнаказанно можно было произнести только на конспиративном собрании или тайной массовке: «Скоро по всей стране подымутся рабочие и крестьяне, чтобы уничтожить власть чиновников, помещиков, капиталистов. Это наше с вами кровное дело. Никто не должен находить от него в стороне».

Единственная предосторожность, к которой прибегла здесь опытная подпольщица, выразилась в том, что она произнесла этот призыв в состоянии до прихода на школьное торжество урядника, старшины и пола, а не в их присутствии. Это свидетельствовало о несомненной конспираторской мудрости оратора. Действительно, прибыв на торжество, почетные гости давали пушкинскую «Деревню» слушали с неудовольствием и пресекали крайнюю, сказали: «Довольно стихов!». Из самоуверенного и твердого поведения сельского начальства мы можем заключить, что, хотя дело и происходило в сочинении 1904 года, условий в селе для открытой массовой революционной агитации еще не было и что отшатнуться на нее мог лишь человек, явно решивший сестрь в тюрьму и провалить подпольную организацию. Но учительницу никто даже и пальцем не тронул.

Меньше всего хотелось бы, чтобы то, о чем здесь рассказано, было восприятием какой-либо литературной курьез. Речь идет о слишком серьезных вещах — о судьбе книги, о репутации писателя, выступавшего с этой книгой на всеобщую литературную арену, о репутации литературы, которую он представляет.

Приведенные выше языковые и сюжетные несурзатки взяты из романа-хроники Т. Кирдяшкина «Широкая Мокша», изданного в Саранске. Перевел книгу с мордовского мордовский писатель В. Авдеев. Редактировал ее А. Кременской.

В нашей многонациональной советской литературе сложилась традиция, до революции не существовавшая. Переводчик видит свою обязанность не только в том, чтобы сделать перевод, идентичный оригиналу. Имея дело с таким же, как и с «комбинатом», «как вы сами знаете, была проведена рационализация...».

Это не только дело совести, но и закон. Если автор не о фальсификаторском «улучшении» и «дотягивании» произведения самим переводчиком в процессе перевода (что у нас, к сожалению, иногда встречается и до сих пор), а о нормальной консультационной и редакторской работе (и переводчика, и редактора) с автором — такой же, как и обычная работа с автором над любой рукописью — русской или переводимой с языка одного из братских народов, работа без скидок и без сомнительной «помощи».

С особым вниманием и особой ответственностью литераторы более развитых литератур Советского Союза должны относиться к произведениям своих товарищей, представляющих литературу молодые, возникающие лишь после Октября. Не имея своих исторически сложившихся традиций письменной литературы, в частности в области художественной прозы и, особенно, больших прозаических форм, молодая проза наших республик опирается на опыт классической и современной русской, украинской, грузинской и других литератур. Наряду с опытом книжным, большую роль играет здесь и личный контакт, совместная творческая работа представителей молодых литератур с представителями литератур зрелых. Отноя из форм такого контакта, наиболее, пожалуй, плодотворной и ответственной, является совместная работа автора, переводчика и редактора над переводимой рукописью.

Но, к сожалению, встречаются переводчики и редакторы, которые этой ответственности не чувствуют. Перевод романа «Широкая Мокша» — яркий пример тому.

Я не собираюсь анализировать здесь роман Т. Кирдяшкина. Должен лишь сказать, что ограничившись при его характеристике приведенными мною несурзатками было бы более чем недобросовестно.

Выход в свет этого исторического романа явился для мордовской литературы большим событием. Республиканской критикой он был оценен, как первое в мордовской литературе наиболее удачное произведение в этом жанре. Отмечая его достоинства, критика в то же время указывала на то, что автор не сумел полностью овладеть искусством многопланового художественно-исторического повествования, что в романе есть и схематизм и иллюстративность.

О языке книги в статье В. Кирюшкина «Заметки о романе Т. Кирдяшкина «Кели Мокша»» было сказано следующее: «Достоинство романа и в том, что его язык так же богат, красочен, как и язык народа. Хорошо владеет литературным языком, автор умело пользуется лексикой той эпохи для воспроизведения исторического и национального колорита...».

Сильные и слабые стороны романа «Широкая Мокша» заметить нетрудно. В этом романе заложены элементы добротной повести о жизни и формировании характера и сознания молодого крестьянина в мордовской деревне конца XIX — начала XX века. Показав условия, в которых формировалась революционная сознание Тихона Черемшина, автор изображает деревню того времени, ее классовое расслоение, которое мы познаем через ха-

рактеры, поведение и столкновение живых людей (и такое изображение делает излишними публицистические комментарии и полуакадемические разговоры некоторых персонажей о процессе расслоения). Многие эпизоды, в которых показывается бедняцкая семья, детство героя, любовь Тихона и Мари, наглые хищничество кулаков, призыв полиции и царского суда, читаются с большим интересом. Они открывают перед нами и этнографические особенности старой мордовской деревни, и картину ее национального и классового угнетения, и процесс нарастания революционного протеста. В повествовании обо всем этом имеются и меткие образные характеристики, и гневное обличение, и народный юмор, и лиризм.

Но, по-видимому, потагая (я зря полагаю!) до в одиночной повести о мордовской деревне и судьбе крестьянского парня чельзя раскрыть существенные черты эпохи, автор превратил ее в многоплановый роман, в котором рассказано о революционном движении в России вообще, и в Пензенской губернии в частности, и показаны люди различных классов и слоев: помещики и чиновные дворяне, московские рабочие и фабриканты, интеллигентно-революционеры и т. д. При этом живое ощущение изображаемой среды, свойственное повествованию о мордовской деревне, уступило место отвлеченно книжному и подчас упрямому представлению о жизни и людях другой среды. Испеченный здесь-то и проявился схематизм, отмеченный в романе мордовской критикой. Именно здесь появились некоторые анахронизмы и в языке романа, этой критикой не замеченные. Ибо, например, и «комбинат», и разговор о «рационализации», и слова земского начальника о «культурной верхушке» имеются и в первом мордовском издании романа.

Однако эти отдельные промахи незначительны по сравнению с лягушечками и курьезами, которыми изобилует русский перевод романа. Достаточно сказать, что все приведенные мною нелепые слова, фразы и эпизоды, за исключением только что упомянутых, являются исключительным достоянием переводного текста.

Роль В. Авдеева при подготовке русского текста романа вышла далеко за пределы функций переводчика. По свидетельству мордовской критики, новой структурой и особенностями романа в русском переводе мы обязаны именно ему. «В. Авдеев, подытожив творчески к решению своей задачи», — говорится в статье В. Кирюшкина «Творческий перевод», — много сделал, чтобы не только сохранить достоинства оригинала, но и усилить идейное звучание романа. В. Авдеев добился этого значительным улучшением художественной стороны произведения». Это «улучшение» выразилось в том, что переводчик сократил роман, изменил его композицию, «добавив большей динамичности в развитии действия, характеры главных героев оказались раскрытыми более выпукло и всесторонне. Особенно заметно улучшился обрисовка образа Марии Афанасьевны, ее роль как активной представительницы Пензенской группы РСДРП среди морды значительно поднялась».

О том, какова цена этого «улучшения», можно судить хотя бы по тому, что именно в уста Марии Афанасьевны Авдеев вложил анахронистическую фразу-штамп «заводской коллектив» — самая лучшая для тебя среда» и что для более «выпуклого раскрытия» ее образа переводчик втирал эпизод, в котором учительница столь оригинально использовала «сочинение для проведения политической работы».

Что же касается языка перевода, то вопиющий злой иронией звучат слова похвалы, возданной ему мордовским критиком. «Творческой манере В. Авдеева», — говорится в той же статье «Творческий перевод», — свойственна простота повествования. Печаль этой простоты и правдивости рассказа заметна и на стило перевода «Широкой Мокши».

Иногда, боже, от такой «простоты!» Вместо того, чтобы посоветовать автору устранить сомнительные места и отдельные терминологические промахи, которые имелись в романе, переводчик начал «творчески» развивать слабые стороны произведения, множить нелепости, действуя при этом по шаблону принципу «сты — копейку, а — рубль!». Относительно улучшение композиции романа, которое действительно достигнуто в русском переводе, даже в малой степени не искупает тех антиисторических и антихудожественных фраз, диалогов и эпизодов, которыми переводчик «обогатил» роман.

Выявляя промахи автору в «улучшении» исторического романа и выполняя, в сущности, соавторские функции, В. Авдеев стал на порочный путь переводческого «дотягивания». Больше того, перевод «Широкой Мокши» продемонстрировал и дурной художественный вкус переводчика, и недостаточное знание и ощущение им изображаемой в романе эпохи, и плохое знание истории русского языка. При таких качествах В. Авдееву не следовало братья за перевод исторического художественного произведения. Книга вышла со всеми перечисленными бедами. Значит, мы вправе все упреки, соленные переводчику В. Авдееву, с еще большим основанием отнести и к редактору А. Кременской. Помощь автору со стороны переводчика и редактора оказалась вопиюще... убыточной.

Именно для того, чтобы предотвратить другие случаи такого рода «помощи», и нужно было рассказать о случае с переводом этого романа.

И еще об одном следует сказать. Авторы переводимых произведений, образованные выходом книги для всеобщего читателя, с излившей готовностью авторизуют переводы. Пометка «авторизованный перевод» есть и на романе «Широкая Мокша». Если бы в мордовской печати не появилась хвалебная статья о «творческом переводе» В. Авдеева, если бы не было возможности сопоставить перевод с оригинальным изданием, мы имели бы полное право приписать все недостатки романа его автору. Авторизация — дело серьезное. Авторизация перевод, писателю должен помнить не только о своих интересах, но и о репутации литературы, которую он представляет.

Солидарность

Город Джокьякарта празднует свое 200-летие. Вот уже две недели подряд продолжаются народные гуляния. Толпы нарядно одетых жителей города устремляются к главной площади, где находятся павильоны СССР, КНР, ГДР и США. В Советском павильоне организована обширная выставка, посвященная достижениям советской культуры.

Пройдите по широкой улице Малиоборо, ведущей к павильонам... Солнце на острове Ява садится рано, и в 8 часов вечера в городе уже совсем темно. В эти часы уличная жизнь бьет ключом. Владальцы лавок и магазинов — индонезийцы, китайцы и индийцы — широко распахивают двери для покупателей.

Разостлав свои ковры прямо на тротуарах, при свете ярких газовых ламп, подвешенных на бамбуковых планках, сидят торговцы. Они предлагают прохладительные напитки, батиковые ткани с замысловатым узором, тропические фрукты, неизвестные в наших широтах: мохнатые, колючие дуриан, лимонно-желтые манго, нежные бело-розовые джамбо, вологисто-фиолетовые мангисы. Громкоговорители, установленные на улице, передают чудесную, необычайно ритмичную музыку из Сурабаи. «Роти, роти, роти, роти-и-и!» — кричит продавец хлеба («оти!» — хлеб), обняв дсны, кроваво-красные от бетеля. «Юда! Юда!» — весело зовут владальцы маленьких передвижных кухонь, тут же, на глазах у публики, приготавливающие всевозможные лакомства. Воздух напоен острым ароматом диковинных фруктов, кухонным чадом и запахами тропических деревьев.

«С любовью я слагаю эту песню...» — поет степенно и нежный женский голос. По мостовой везд и вперед снуют «обчак» — моторизованные рикши. Их колеса раскрасены в яркие цвета. Среди пестрых разводов и завитучих красуется казавния колесок — у каждой свое, какое-нибудь особенно звучное.

...от прошли, оживленно беседа, две стройные темноволосые девушки в длинных батиковых одеяниях, с ярко-синими шарфами, перекинутыми через плечо. Медленно прошел немолдой индонезец в ослепительно белом, безукоризненно выуженном костюме, с черной шапочкой «печи» на голове. А вот смуглая яванская красавица с младенцем, удобно пристроившимся на боку у матери, — его поддерживает пестрый широкий платок, подвешен-

ный через левое плечо женщины. Мимо проехала на велосипеде студентка джокьякартского университета «Гаджах Мада». Студентов на улице распознать легко: многие из них носят средневековые академические шапочки.

Мы приближаемся к павильонам. На большой триумфальной арке пылают надписи: «Двухсотлетие Джокьякарты 1756—1956». Через усилитель голос диктора четко и неторопливо объясняет расположение павильонов — сначала индонезийский, а затем — по-явански. В советском павильоне шумно и многолюдно. Посетители с огромным интересом разглядывают большой макет здания Московского университета, картины, книги, образцы прикладного искусства. Особым успехом пользуется телевизионная установка. Техник направляет на посетителя выставку объектов телепередача, и они могут видеть свое изображение на экранах телевизоров, установленных тут же. У телевизоров — веселая, хохочущая толпа...

Советских экскурсоводов засыпают вопросами. Особенно любознательна молодая девушка. Мы говорим о жизни в Советском Союзе, о дружбе советского и индонезийского народов, о последних событиях международной жизни. Разговор заходит о Суэцком канале. Студент Джокьякартского педагогического училища Марвата, невскоий черноталый аявец, говорит:

— Мне 24 года. Я хорошо помню голландцев и их дела. Кто-то, а мы-то знаем все повадки колонизаторов. Египет отстаивает свои законные права, и мы, индонезийцы, поддерживаем его всей душой. — О чем тут говорить! — восклицает стоящий рядом Пратнокусума, приятель Марваты. — Суэцкий канал по праву принадлежит Египту. Национализация канала не только совершенно законна — она необходима.

Молодая девушка с горящими миндалевидными глазами вмешивается в наш разговор: — Мы сочувствуем египетскому народу. Он так же, как и мы, борется против колонизаторов. Все индонезийцы одобряют действия Насера.

Студент сельскохозяйственного факультета университета «Гаджах Мада» Сукадас с негодованием говорит о тех, кто пытается оспаривать права Египта в вопросе о Суэцком канале.

На другой день я убедился, что мнение посетителей выставки характерно для всех кругов индонезийской общественности. В редакции местной газеты «Ведаланг Ракьят», которая помещается на главной улице Джокьякарты, в белом одноэтажном здании, заместитель главного редактора Хутарук сказал так: — Проблему Суэцкого канала следует прежде всего рассматривать с точки зрения принципов Бандунга. А исходя из этих принципов, нетрудно понять, что вся проблема теснейшим образом связана с вопросом национальной независимости Египта, его суверенитетом. Ведь канал находится на территории Египта! Однако западные державы не желают это понять. Они все еще не могут отрешиться от своих колонизаторских замыслов. Во-

прос о будущем Суэцкого канала должен быть решен мирным путем. Таково мое мнение и — я уверен — мнение всего индонезийского народа.

В кабинет Хутарука вошел высокий смуглый человек с удивительно располагающей мягкой улыбкой на совсем еще юном лице.

— Познакомьтесь, это — писатель Х. Пратико, автор многих коротких рассказов. Писатель не преминул высказать свою точку зрения.

— Я полностью согласен с национализацией канала, — сказал Пратико. — Это вопрос престижа для народов Азии и Африки. Хитрые и изворотливые колонизаторы разными путями пытаются захватить чужое добро, ущемить национальные интересы свободных народов. Но западные державы пора понять, что Египет полон решимости отстаивать свои интересы до конца. В этом его поддерживают все народы Азии и Африки, все миролюбивые страны.

— А как расценивают эти события в дворянских кругах? — спросил я.

— Пойдемте туда, — ответил Пратико. — И побеседуем с кем-нибудь из окружения джокьякартского суданца.

Мы направляемся в дворцовую канцелярию. Мировая лабиринт коридоров и внутренних помещений, входим в небольшую комнату. За письменным столом сидит человек лет пятидесяти, в очках, с умным, серьезным взглядом — господин Пурбобо, брат суданца. Узнав о цели нашего визита, он медленно произносит:

— Если бы Суэцкий канал находился в Индонезии, мы поступили бы точно так же, как и египетский народ. Я всем сердцем одобряю и поддерживаю позицию и действия президента Египта. Я — не дипломат, но, по моему, каждому должно быть ясно, что отношение западных держав к Египту примерно такое же, как к Западной Ирландии. Мы имеем дело с проявлением той же колониальной политики. Колонизаторы не верят нам и боятся нас. Но другого от них ожидать не приходится!

Поблагодарив г-на Пурбобо за беседу, направляемся в джокьякартское отделение агентства Антара. В это время там находились Сутигио, руководитель джокьякартского объединения журналистов, и А. Пангин, редактор газеты «Дута Ракьят».

У Египта все основания для того, чтобы национализировать канал, — сказал Сутигио. — Этого требуют законные интересы египетского народа. Весь народ нашей страны горячо поддерживает Египет. Суэцкий канал принадлежит египетскому народу, и он должен бороться за право владеть им. Это — борьба за национальную свободу, и естественно, что индонезийский народ всецело поддерживает такую борьбу. Мы сами боремся за искоренение остатков колониализма в нашей стране. Мы боремся за освобождение Западной Ирландии из-под гонимых голландских колонизаторов. И мы поддерживаем борьбу за уничтожение колониализма во всем мире. Вот мое мнение, и я думаю, что все в Индонезии разделяют его. И мы убеждены, что Египет добьется успеха и добьется его мирным путем.

Египет всегда поддерживал Индонезию в ее борьбе за свободу, — добавляет Пангин. — Египет — первая страна, признавшая Индонезию еще в самом начале нашей революции. Поэтому мы особенно сочувствуем Египту!..

Я вышел на улицу, салютую экваториальным солнцем. В городе кипела жизнь, трудовая свободная жизнь замечательного народа, создавшего новую Индонезию.

В. ОСТРОВСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты» Джокьякарта, октябрь

Шахтеры Йоркшира требуют мирного решения суэцкого вопроса. Их представители, изображенные на снимке, пришли к зданию английского парламента, чтобы сказать об этом своим депутатам. «Никакой войны из-за Суэца!» — единодушно заявляют трудящиеся Англии. Снимок из английской газеты «Дейли уорнер»

Фельетон „Нитки“ творчества

Людвиг Рейнерс — западногерманский фабрикант ниток. Дела его идут великолепно. «Экономическое чудо», иными словами, высокая хозяйственная конъюнктура для капиталиста ФРГ, самым благоприятным образом повлияло на доходы этого бизнесмена. По словам самого Рейнерса, он «ежедневно продает столько ниток, что если их вытянуть в длину, то нитки трижды опояшут экватор». Однако все это было бы совершенно неинтересно, если бы упомянутый Рейнерс являлся обычным делом.

— Ну, продаст нитки, — и ладно! — Но, оказывается, Рейнерс торгует не только нитками и катушками и даже не только экономическими трактатами, но также... лирическими стихотворениями, историческими романами и исследованиями о стиле.

По нашим сведениям, до сей поры бизнесмены прямо не вторгались в область изящной словесности. Стихи писали поэты, а владельцы химических концернов. Но Рейнерса такое положение дел не устраивает. В один прекрасный день он решил сам взяться за перо. При этом особых оснований (то есть таланта, специальных знаний и пр.) у Рейнерса нет. Это признает даже западногерманская пресса. Несмотря на это, текстильный фабрикант так сказать, «без отрыва от производства» подарил Западной Германии четырнадцать напечатанных ниток общим тиражом в полмиллиона экземпляров. Тираж поистине грандиозный для ФРГ, где книги известных писателей издаются совершенно микроскопическими тиражами.

Из истории литературы нам известно, что путь художника слова — трудный и тернистый. Однако, оказывается, отнюдь не для всех. У Рейнерса и в этой области дела идут как по маслу...

В 7 ч. 30 м., сообщает западногерманская печать, Людвиг Рейнерс идет в контору своей фирмы. С 12 часов до 15 обедает на своей вилле. С 15 до 17 снова продает нитки. Книги Рейнерс пишет исключительно в субботу вечером, по воскресеньям и во время отпуска.

О самом процессе творчества писателя-фабриканта мы узнаем из его собственных автобиографических заметок. Оказывается, прежде чем написать книгу, Рейнерс читает различные труды и исследования. В архивы Рейнерс не ходит, в документах не роется, ибо предпочитает уже опубликованные работы. Этот процесс писатель образно называет «переливанием мудрости из чужих бонок в свои бутылки». «Переливая» Рейнерс с помощью подсобной рабочей силы. «После того, как я подержу на полях нужные места, — эпически повествует фабрикант ниток, — я даю их писать секретарю».

В редчайших случаях Рейнерс прибегает даже к эксперименту. Так, например, однажды он направил известному астрологу «позывные» популярную кинозвезду Марлен Дитрих, не упомянув, что это Марлен Дитрих. Получив от астролога «гороскоп», в котором говорилось, что вышеозначенная дама страдает склонностью к наклонным сымам, глубокомысленно и неопределенно в качестве секретарши, Рейнерс разочаровался в астрологии и даже выставил специальный труд, в котором доказывал, что звездный народ не обладает ни солидным, ни вот переливание и эксперименты кончились. Фабрикант-литератор садит-

ся за свой идеально прибранный стол и... начинает творить!

Как сообщает западногерманский журнал «Дер Шпигель», «...страсть Рейнерса почитать других не знает никаких видимых границ». Вот, например, вздумал молодой немец из Западной Германии жениться. И Рейнерс уже тут как тут! Он предлагает счастливому влюбленному сестре своей жеманности на шляпку невесты или же вылить ей красное вино на белое платье. По мнению Рейнерса, это наилучший способ проверить любовь девушки и ее, так сказать, моральный облик. Рассердится невеста — не берн! Смолчит — сочтется законным браком! Или вот, например, хозяин дома пошел в ванную, Рейнерс и здесь — на страже! «Кто, моя руни, опускает в воду не только руни, но и мыло, — заявляет он, — тот трагит в два раза больше мыла, чем требуется».

Ссылаясь на тот же журнал, мы можем сказать, что Рейнерс учит малолетних детисчек, как проверить свежесть бобов: женатых мужчин, как относиться к тещам, торговых учеников, как обращаться с покупателями, и так далее в том же духе. Все эти темы дадут Рейнерсу пищу для целых книг, где анекдоты и трогательные истории обильно пересыпаны изречениями, образцы которых мы приводим ниже.

Когда Рейнерса спрашивают, почему он стал писателем, он отвечает, что «импульсом» к этой его деятельности служат... разговоры окружающих. По словам Рейнерса, когда вокруг него начинают беседовать на какую-либо, безразлично какую, тему, у него появляется желание написать книгу. Одним словом, как говорил в свое время Кузьма Прутков: «шевелки кобылу по носу, а она махнет хвостом». Но в действительности дело обстоит не так, как это пытаются изобразить Рейнерс.

Западногерманские бизнесмены отнюдь не удовлетворены состоянием идеологического фронта в ФРГ. Вот они и пытаются «компенсировать» себя с помощью таких, с позволения сказать, литераторов, как Людвиг Рейнерс.

А ведь кто-то, а бывший нацист Рейнерс (в 1945 году Рейнерс был денацифицирован и даже на время изгнан из фирмы и со своей виллы) знает, что нужно большое искусство в Западной Германии. Первая книга, которую написал Рейнерс, была озаглавлена «Почему германская история такая грустная», а английская такая «радостная». Ответом на этот вопрос писатель-бизнесмен исследуя историю страны, времена «героев» (то есть, очевидно, фашистов) минали. Для того, чтобы история стала «радостной», власть в стране должна быть передана в руки «лордов» и осторожных бизнесменов, которые будут проводить ту же «геройскую», сиречь фашистскую, политику, но только другими средствами. Потом текстильный фабрикант раздражается новым произведением под весьма многообещающим заголовком «В Европе тухнут огни». В этой книге Рейнерс приходит к мало оригинальному для милитариста выводу о том, что «два человека — Бисмарк и Мольте создали немецкую историю...». Не стало Бисмарка и Мольте, и вот уже «В Европе потухли огни», остался, по-видимому, только один «светоч» — фабрикант ниток Людвиг Рейнерс. Наконец, сейчас Рейнерс подготавливает к печати очередной апологетический труд о Бисмарке...

Из всего этого мы ясно видим, что из-под пера ничтожного фабриканта выходит не просто пошлость, но пошлость с милитаристским духом. Именно поэтому книги Рейнерса издаются такими громадными тиражами, именно поэтому о Рейнерсе так много пишут. Наконец, именно поэтому он получает такие громадные деньги за свое бумагомаранье. (Из того же журнала «Шпигель» мы узнаем, что самый прославленный и отнюдь не прогрессивный западногерманский лирик Готфрид Бени получал за свои труды 4,5 марки в месяц, в то время как Рейнерс, по его же собственным словам, «не может потратить своих литературных гонораров».)

«Известно, что в послевоенное время многие бизнесмены на Западе стали по совместительству политиками и дипломатами. Так почему бы им не писать стихи и романы, тем более, что на идеологическом фронте, как мы говорили выше, дела обстоят весьма тревожно? Кто знает, быть может, в скором времени Крупф фон Болен начнет писать оды Пушкину, а директор концерна Кленкера напишет оперу!»

Не в меру страстные почитатели сравнительно Рейнерса, Вольфганг В. свое время Вольтер назвал так, как фабрикант ниток Рейнерс, «микроскопическими нитками». Сейчас микроскопические нитки в Западной Германии особо распоясались.

Л. ЧЕРНАЯ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на собрание сочинений норвежского драматурга Г. ИБСЕНА в 4-х томах, цена тома 21 руб. В собрание сочинений входит все драматическое произведения Ибсена. Большинство произведений драматурга дается в переводе А. П. Ганзен — виднейших мастеров перевода со скандинавских языков на русский. Издание иллюстрировано. Подписка принимается в книжных магазинах, где и можно ознакомиться с проспектом издания. Из печати вышли 1-й и 2-й тома. Главкиногорт

М. АЛМАЗОВ

Фальшивка «Сатердей ивнинг пост»

В один из пасмурных дней декабря прошлого года в Нью-Йорке советским морякам с танкера «Туапсе» вывезенный с Тайваня в США, удалось собраться вместе. Какие трудности пришлось преодолеть, чтобы, наконец, увидеть друг друга! Сразу же после приезда в США их разобщили, разослали по разным городам. В их распоряжении было всего несколько часов. Нужно многое обсудить, подумать о том, что предпринять для возвращения домой.

Беседа была прервана появлением незнакомца. Изысканно любезный, юркий и словоохотливый, он представился корреспондентом американского журнала «Ньюсикун». «Хорошо бы сделать фотоснимок на память о вашей приятной встрече», — сказал он. А затем, задав несколько праздных вопросов, удалился. И только через несколько дней, когда вышел очередной номер «Ньюсикун», моряки поняли, что они стали жертвой тщательно подготовленного провокационного в журнале были опубликованы их фотографии и подробная «беседа»... с ними. Чего только там не было! Ссылаясь то на одного из них, то на другого, журналист лихо врал о том, что советских людей «преследуют» в США «агенты Кремля». Какой-то «красный негр, хорошо говоривший по-русски», — плод большого воображения автора этого вымышленного интервью, — чем-то якобы угрожал морякам. Говорилось в этой беседе, — опять-таки от их имени, — будто они даже связались с американской разведкой и помогли ей опознать одного из «преследователей». На самом же деле именно ФБР, проникнувше о встрече моряков, затравило на них сотрудника «Ньюсикун».

Какую же цель преследовала эта фальшивка? Фальсифицированное интервью должно было опорочить советских моряков в глазах их соотечественников, навсегда лишить их надежды на возвращение домой...

Вся эта история я услышала в Одессе от пяти моряков с танкера «Туапсе», вернувшихся весной из Соединенных Штатов в СССР. Они вспомнили о ней, когда я показал им статью некоего Реймонда в американском журнале «Сатердей ивнинг пост». В этой статье повторяется уже затасканная буржуазной американской печатью не-

лепая и злобная выдумка о «насилственных похищениях» моряков из США. Стремясь придать некоторое правдоподобие сообщаемым небывшим, автор статьи то и дело ссылается на Виктора Соловьева, одного из моряков, все еще незаконно задерживаемых в США американскими властями. Статья даже написана якобы со слов самого моряка.

Да тут и слепой разглядел бы, — продолжал разговор Михаил Шинин, — что статья в «Сатердей ивнинг пост» и интервью в «Ньюсикун» составлены по одному и тому же рецепту: бессовестная клевета. Запрещенный прием? Разумеется! Но, как мы сами убедились, весьма распространенный среди некоторых американских журналистов. Достаньте как-нибудь интереса ради, номер «Ньюсикун» и сравните обе статьи. Один и те же небывшие про «красного негра!» Да и цель одна — теперь, после опубликования этой фальшивки, американские власти, наверно, пытаются запугать Соловьева, убедить его в том, что путь на Родину для него навсегда закрыт.

Поразительно, какую замедленную печать печатает «Сатердей ивнинг пост», — вступил в разговор Рабенко. — Я знаком с этим журналом, читал его, ведь он претендует на солидность и, кажется, является одним из старейших американских журналов. Статья же сделана настолько грубо и неумно, что выдает автора с головой. Ложь сквозит буквально в каждой строке! И как это автор статьи не понимает, что ложь становится особенно явной, когда он пытается вложить ее в уста советского человека. Нам-то ведь хорошо известно, что Соловьев в течение долгих месяцев на Тайване и в США только и думал о том, как бы вернуться домой. Вы только послушайте! «Советские моряки... жили в отелях на Формозе прямо-таки по-париски». Или вот: «Китайские националисты очень хорошо обращались с советскими моряками... на Формозе советские моряки обрели свободу».

Вот они решили. Тюремщики ликут. Из Вашингтона прибыли какие-то субъекты, чтобы оформить отъезжающим документы. Тюремный режим несколько смягчен, и морякам теперь даже разрешают изредка выходить из здания. А пока гоминдановцы празднуют свою мнимую победу, моряки тайком, поодиночке, пробраются в горы под Тайбэйем. Здесь, в густых зарослях, комсомольцы провели собрание. В торжественной тишине моряки один за другим вполголоса произносят слова клятвы: «Ничто не остановит меня в стремлении вернуться на Родину, и пусть покажет меня мой народ, если я нарушу эту присягу в верности Отчизне...». Вот наступила очередь Виктора Соловьева. Он берет небольшой листок и, заметно волнуясь, читает текст клятвы.

Здорово доставалось Соловьеву и от капитана Хана, — заметил Николай Ваганов. — Ведь мальчишкой еще был, едва восемнадцать стукнуло, а держался крепко.

А помнишь, как тебя... Моряки вспомнили страшные дни гоминдановского плена. Грязная, сырая камера. По полу снуют крысы. То одного, то другого вызывают на допрос. Посулами и обещаниями, угрозами и побоями добиваются одного: стань предателем. А по ночам, забившись в угол, они шепотом обсуждают возможности вырваться на волю. Перебрали много разных планов. Но нет, все не то, не то. Постепенно родилась мысль: чтобы вырваться из этой ямы, надо во что бы то ни стало попасть в любую страну, где есть советские дипломатические представительства, а затем с их помощью вернуться домой.

И вот они решились. Тюремщики ликуют. Из Вашингтона прибыли какие-то субъекты, чтобы оформить отъезжающим документы. Тюремный режим несколько смягчен, и морякам теперь даже разрешают изредка выходить из здания. А пока гоминдановцы празднуют свою мнимую победу, моряки тайком, поодиночке, пробраются в горы под Тайбэйем. Здесь, в густых зарослях, комсомольцы провели собрание. В торжественной тишине моряки один за другим вполголоса произносят слова клятвы: «Ничто не остановит меня в стремлении вернуться на Родину, и пусть покажет меня мой народ, если я нарушу эту присягу в верности Отчизне...». Вот наступила очередь Виктора Соловьева. Он берет небольшой листок и, заметно волнуясь, читает текст клятвы.

Сколько раз, уже находясь в США, каждый из нас повторял дорогие слова этой клятвы, — вспоминает Александр Шинин, — в трудную минуту она придавала нам силы. Вот журнал «Сатердей ивнинг пост» пишет о каких-то мифических «красных агентах», якобы преследовавших нас в США. Да, преследователей у нас было много — целая свора агентов американской охраны неоступно следовала за нами по пятам. «Опекунью» и «пепелители» Хугстратен, Рэнкин и другие, представители

разных эмигрантских шаян дунно и ноцно вдалбливали нам мысль, будто Советский Союз отказался от нас. Как-то раз агенты ФБР узнали, что мы получили письма от родных и фотографии, на которых запечатлен момент встречи в СССР членов экипажа «Туапсе», возвратившихся с Тайваня. Надо было бы видеть, какую «обработку» и «услухи» всем нам агенты охраны и «опекунью» из «Всемирной церковной службы!» Как попрехали нас грошомыми подкачки и грозили снова отправить на Тайвань.

Вот об этих истинных преследователях, — замечает Лукашов, — Соловьев мог бы многое рассказать на страницах «Сатердей ивнинг пост», если бы только журнал захотел, чтобы читатели узнали правду.

А что помешало Соловьеву вместе с вами вернуться на Родину?

— Дело было так...

В первые же дни после приезда моряков в США троих из них — Татаринова, Еременко и Иванькова-Николаева американские власти насильно заставили разжаться по разным районам страны. Остальным удавалось пока держаться вместе. Трое, чтобы не расставаться, решили пожеланию поступить на курсы английского языка в Нью-Йорке. Другие нашли временную работу на окраинах города. В их числе был и Соловьев.

Время шло. Но установить связь с советским представителем все еще не удавалось. Один неосторожный шаг мог их погубить. Счастливая случайность — газетная заметка с указанием адреса советского представительства в ООН — позволила морякам действовать более решительно.

Особенно памятна последняя ночь, — рассказывает Лукашов, — Михаил Шинин был уже в советской миссии и дал знать, что нас ожидают там утром. Можете представить себе наше волнение! Какой нестерпимо долгой казалась нам эта ночь! Соловьев убеждал нас отправиться в миссию немедленно. Но как выйти ночью всем вместе, не возбуждая подозрения шпиков, неотступно следивших за нами? Разумнее было подождать утра, а затем поодиночке, затерявшись в толпе, пробраться в миссию. Тогда Виктор решил в оставшееся время сгруппировать себе на квартире и захватить фотографии с Тайваня. На снимках, сделанных перед отпаркой в США советских моряков, они были засняты вместе с гоминдановскими палачами. Среди чанкайштов — переводчик Ван, капитан Хан и другие. «Надо взять фото с собой на Ро-